

Рудите Вискне

Рига, Латвия

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В АУЦЕ В ИЮЛЕ 1941 г.

В рамках проекта Латвийской комиссии историков уже проведено исследование Холокоста в Бауске, Малте, Крустпилсе, Вентспилсе и Валмиерском уезде, однако наши знания о трагедии евреев, происшедшей во многих местах Латвии по-прежнему находятся в основном на уровне констатации фактов. Поэтому важно продолжать эмпирические исследования, чтобы реконструировать ход событий, выявить жертвы, организаторов и исполнителей убийств. Но это следует делать одновременно с исследованием контекста этих драматических событий, не выделяя их из системы нацистской оккупации.

Эвентуально можно сказать, что в Ауце¹, по сравнению с другими малыми городами Латвии, евреев уничтожили раньше, хотя с уверенностью это можно будет утверждать, когда Холокост будет исследован во всех малых городах Латвии. Но, если сделать допущение, что Ауце был первым малым городом, где были уничтожены все евреи, то особенно важно исследовать условия, при которых происходило уничтожение евреев. Это поможет выяснить, был ли в Латвии «без-немецкий Холокост».

Формально можно принять распространенный в последнее время в литературе по Холокосту тезис, что, так же как и во многих других местах Восточной Европе, в Ауце евреев уничтожили «соседи». Но как это происходило на самом деле? Бесспорно, что местные силы самообороны принимали участие в уничтожении евреев, но, чтобы разобраться в ситуации, необходимо исследовать детали.

Получить полное представление о том, что случилось в Ауце в начале нацистской оккупации, конечно, в настоящее время, когда прошло более шестидесяти лет и свидетельства по разным причинам фрагментарны, — это весьма сложная задача.

Относительно уничтожения евреев существует общая проблема источников, ибо письменные приказы отсутствуют. В системе немецких СД и армии приказы чаще всего отдавались устно либо также письменно, а позднее уничтожались. Материалы Республиканской Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников², в основном поверхностные, общие, упомянутые в них факты не подтверждены следственными свидетельскими показаниями.

В данном исследовании важнейшим источником являются уголовные дела по преступлениям, совершенным во время Второй мировой войны, и хотя, как признают исследователи, использующие этот источник, учитывая «специфические» методы следствия советского времени, степень достоверности уголовных дел в

Перевод с латышского.

большинстве случаев низкая, однако, поскольку участников убийства евреев Ауце судили в разное время — и сразу же после войны, и в начале 50-х гг., и в конце 60-х гг., из всех этих дел можно получить известное представление. После принятия в 1961 г. Уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР, следователи должны были выяснить обстоятельства совершения преступления, поэтому уголовное дело, расследованное в 1969 г., предоставляет для этого исследования более подробную информацию³.

В исследовании использованы материалы, собранные Чрезвычайной государственной комиссией, находящиеся в Латвийском государственном историческом архиве и в Государственном архиве Российской Федерации, а также пресса периода нацистской оккупации. Автор статьи ознакомилась также с материалами, собранными краеведом из Ауце Оскаром Венцкусом, находящимися в городской библиотеке в Ауце, однако, так как О. Венцкус умер, их использование без более подробных комментариев ограничено.

События в Ауце в начале войны

Сразу же после вторжения германской армии во многих местах Латвии началась организация партизанских отрядов. Обычно организацией отрядов занимались военнослужащие бывшей латвийской армии, которым удалось избежать ареста или депортации. В Видземе⁴ военные в основном были или дезертировавшими из армейских частей или отставными. Партизанские отряды в основном состояли из бывших айзсаргов⁵ и лиц, скрывавшихся в лесах, чтобы избежать высылки. Однако вопрос о создании партизанских отрядов и их деятельности сложен, и без серьезных исследований нельзя определить, где в Латвии на самом деле действовали партизанские отряды, а где — называемые так по разным причинам (при немцах — чтобы показать свои заслуги в освобождении от «большевистского ига», в советское время — чтобы доказать «преступность партизан») скрывавшиеся в лесу группы людей. С началом войны, особенно в провинции, царил хаос. Местному населению не хватало информации о развитии событий. Бывшие представители советской власти, не успевшие эвакуироваться или не имевшие возможности это сделать, были оставлены на произвол судьбы. Партизаны считали своей задачей воспрепятствовать отступлению частей Красной армии. Фактически они могли нападать только на небольшие группы, потому что не хватало сил, а многим не хватало оружия и боеприпасов. В отдельных местах партизаны переняли в свое ведение местные исполкомы, арестовали местных активистов советской власти. Похожие события разворачивались и в Ауце, и в окрестностях.

Чтобы избежать высылки, в лесах скрывался бывший полицейский Эдуард Румпис, Пауль Бертрайтис, семья которого была выслана 14 июня 1941 г., Арнольд Рамша и Освальд Эзерс. К ним присоединились Отто Хихаловский, Петерис Меденс, Карлис Вейгнерс и др.⁶ Последний в советское время работал во вспомогательной службе милиции, а позднее был повышен до уполномоченного милиции⁷. В случае Ауце упомянутую группу можно называть партизанами лишь условно, хотя сами они называли себя «белыми партизанами». Встречается и обозначение «лесовики» (*meženieki*), которое более точно характеризует статус этих людей. Следователи чаще всего употребляли обозначение «бандиты», а также «немецкие партизаны».

До эвакуации советских учреждений партизаны находились в лесу у холма Лачу и пару дней — на хуторе Берги. После того, когда разведчики сообщили,

что руководство города покинуло Ауце, партизаны направились в Народный дом в Вецауце (часть города Ауце. — *Ред.*), где повстречали троих активистов советской власти — рабочих молокозавода в Ауце. От них Петерис Меденс узнал о положении в городе⁸. В помещениях Вецауцкого исполкома партизаны сорвали со стен портреты советских вождей, проверили оставленные документы и, не найдя ничего ценного, отправились на окраину Ауце, потому что еще требовалось действовать осторожно. По дороге партизаны встретили советского активиста комсомольца Вольдемара Цимерманиса, который еще стоял на посту. Партизаны отвели В. Цимерманиса в лес на холме Лиготню, отобрали оружие и приказали не показываться в городе. Нет сведений, что партизанам из Ауце удалось совершить какие-нибудь значительные акции⁹.

Более активны были партизаны близлежащей Аурской волости, которыми командовал полковник бывшей латвийской армии Силениекс, и небольшая группа на станции Кримуны. Партизаны заняли местное почтовое отделение, разоружили работников почты, около кримунского молокозавода разожгли костер и сожгли советские газеты, которые были в красном уголке, портреты советских вождей и красный флаг. 28 июня 1941 г. на дороге Ауце—Елгава задержали колонну, состоявшую из двух тракторов и нескольких автомашин, взяли в плен одного красноармейца, одного уполномоченного милиции, а также его жену и четверых детей. 29 июня партизаны напали на несколько повозок с вооруженными милиционерами и взяли в плен четырех милиционеров и одну женщину. 30 июня они вместе с группой Жаниса Буткуса из Тервете напали на 20 красноармейцев и взяли их в плен¹⁰. Партизанами Яунауцкой волости командовал Роберт Лирумс — бывший командир подразделения айзсаргов, жена и дочь которого были высла- ны 14 июня 1941 г.¹¹ Как разворачивались события в начале войны в Яунауцкой волости, очень хорошо характеризует письменное свидетельство, данное советским активистом Арнольдом Цирулисом Чрезвычайной комиссии.

«В 1941 г. я работал секретарем исполкома Яунауцкой волости. <...> Когда Германия имела успех в первые дни войны, парторг волости и председатель исполкома растерялись. Парторг организовал охрану исполкома, а сам исчез. Я принял на себя командование немногими оставшимися комсомольцами и рабочими-активистами. В округе распространялись слухи про немецких парашютистов и бандитов-айзсаргов, которые собираются в лесах. Мы были готовы ко всему. У нас было восемь винтовок. Одна из них неисправная. 28 июня мы связались по телефону с исполкомами других волостей. Повсюду была тишина. Очевидно, исполкомы других волостей прекратили деятельность. Но из милиции Ауце нас успокаивали, что положение не угрожающее. Под вечер на нас напали бандиты-айзсарги. Числом около 70¹², они шли через пышные нивы, развернувшись широкой дугой, чтобы нас окружить. Приблизившись, враг стал совсем невидимым. Лишь по движению густого клевера можно было заметить его местонахождение. Начался обстрел. Он продолжался примерно полчаса. Избегая окружения, мы отступили в лес. Бандиты захватили волостной исполком. Мы направились в Ауце. Туда пришли к полудню 29 июня. Здесь нас удивила тишина в учреждениях. Они были эвакуированы. Через город проходили лишь редкие отступающие части Красной армии. Мы последовали за ними. Недалеко от Бене узнали, что фашисты заняли Елгаву. Мы растерялись. Наш отряд совсем рассеялся. Каждый из нас думал по-своему. Так мы попали в руки к бандитам — неорганизованные, растерянные, по одному, ко всему безразличные»¹³.

Первые подразделения германской армии (механизированный боевой полк под командованием обер-лейтенанта фон Франциуса) вступили в Елгаву 29 июня 1941 г.¹⁴, а в Ауце части германской армии вошли несколькими днями позже. С 1

июля исполнительную власть в Елгаве переняла 818-я полевая комендатура. 29 июня 1941 г. Мартиньш Вагуланс получил полномочия от В. Шталеккера занять должность начальника елгавской службы безопасности¹⁵. Сразу же после вступления в должность М. Вагуланс начал создавать отделения службы безопасности в Елгавском уезде. 30 июня такое отделение было создано в Вецвирлаукской волости¹⁶. Документальных свидетельств о том, что такая служба была создана и в Ауце, найти не удалось. Однако представляется, что она была создана в первые дни июля и начальником был назначен бывший житель Ауце Эдгар Крастс¹⁷ (до 1939 г. его фамилия была Купфер), до того работавший в Елгаве. Возможно, что Э. Крастс сначала был единственным работником службы безопасности и был послан в Ауце для поддержания связи с елгавской службой безопасности¹⁸.

Поскольку организация подразделений самоохраны¹⁹ по инициативе и по приказу немцев происходила во всех административных единицах Латвии²⁰, то и в Ауце в то же время был создан отряд самоохраны, в который включили и партизан; к нему присоединились и новые участники. Арнольд Знотыньш издал циркулярное письмо, что бывшие айзсарги и военнообязанные мужчины должны явиться в общежитие в Ауце²¹, в студенческие общежития в Вецауцском дворце²². Социальный состав участников отряда самоохраны был весьма пестрым — бывшие полицейские, айзсарги, пастор, рабочие скотобойни, шоферы и др. Трудно сказать, сколько из них вступили в отряд самоохраны добровольно — были и такие, сколько — после многократных призывов и даже угроз. У многих бывших айзсаргов были свои хозяйства, и они в сезон сельскохозяйственных работ не были заинтересованы оставить их в запустении. Одна часть вступила в самоохрану, чтобы «искупить свою активность в советское время», другая — чтобы рассчитаться за «обиды» советского времени. Но, например, Д. Пилицкий надеялся, что тогда у него не отберут мотоцикл. Штаб самоохраны разместился в студенческом общежитии учебного хозяйства Сельскохозяйственной академии, рядом с Вецауцким дворцом. Сначала участников самоохраны собрал бывший лейтенант латвийской армии Эрвин Цауне²³, а через два дня из Сникерской волости прибыл бывший капитан латвийской армии, учитель основной школы в Ауце Теодор Рудзурага²⁴ и принял командование. Э. Цауне занял должность коменданта Ауце, хозяйственные дела находились в ведении священника вецауцской евангелиско-лютеранской церкви Яниса Туркса²⁵. В ауцском отряде самоохраны было примерно 45 участников — жители Ауце и ближайших селений (Витини, Кевеле и др.), а также некоторые студенты Сельскохозяйственной академии, которые летом 1941 г. проходили практику в Вецауце. Отряд состоял из трех групп, организованных по месту жительства участников. В общежитии каждой группе было выделено свое помещение. Боевой группой командовали Петерис Меденс и Карлис Вейгнерс²⁶, командирами второй группы был Теодор Фабианс, а третьей — Освальд Эзерс²⁷, который позднее был начальником штаба самоохраны. Оружие ведал бывший владелец магазина оружия, велосипедов и других товаров Янис Нарпс²⁸. Разделение на группы было довольно условным, в них царил полувойенный порядок. Оружие собирали у бывших айзсаргов, в том числе и то, которое удалось спрятать Я. Нарпсу, а также брошенное красноармейцами и отнятое у них²⁹. Оружие участникам самоохраны выдавалось только тогда, когда поступало распоряжение о выполнении какого-либо задания. Участники отряда самоохраны в основном жили в студенческом общежитии, а в отсутствие караульной и патрульной служб, с разрешения начальника штаба, могли ехать домой. Каждый

вечер в девять часов руководство штаба проводило проверку. Через два дня в общезнание было организовано общее питание на средства хозяйства Вецауце³⁰. Еду готовили бывшие айзсардзессы — мать участника самоохранны Э. Клявиньша, жена Т. Фабянса, Алма Гинтарс и Лилия Матвейс. Задачей самоохранны, как пояснил Т. Рудзуруга, было помочь немецким властям взять в плен отставших от своих частей красноармейцев и арестовать бывших активистов советской власти. Но то, что по сценарию нацистской Германии, отряды самоохранны втянуты и в уничтожении евреев, местным известно не было.

Участие местного населения в Холокосте нацисты запланировали еще до плана Барбаросса. В феврале 1941 г. были начата пропагандистская компания, направленная против СССР. На заседании внешнеполитического управления национал-социалистической партии 29 мая 1941 г. были определены основные установки и содержание пропаганды для воздействия на народы СССР. И, как признает К. Кангерис, «из этих установок совершенно ясно вытекает, что с самого начала была запланированная политика решения еврейского вопроса, а именно вовлечение в их уничтожение местных жителей, тем самым развязав им руки в решении „еврейского вопроса”»³¹. В инструкции от 29 июня и 2 июля 1941 г. руководитель Главного управления имперской безопасности Р. Гейдрих определил, как следует осуществлять уничтожение евреев³².

Вначале ауцкий отряд самоохранны охранял стратегически важные объекты, патрулировал улицы в Ауце, проверял документы у лиц, вызывающих подозрение, ловил скитавшихся в окрестностях красноармейцев, арестовывал советских активистов. Участники ауцкой самоохранны на дороге Ауце—Вадакте взяли в плен семь-восемь красноармейцев, которых сначала отвели в штаб самоохранны, а позднее за ними приехали из Елгавы немцы. Впоследствии недалеко от прудов Вецауцкого дворца участники самоохранны обстреляли проезжавшую мимо автомашину с красноармейцами, но взять в плен ни одного из них не удалось. В перестрелке один из участников самоохранны был смертельно ранен. Часть красноармейцев были задержаны у станции Авиксне³³. Самоохранщики взяли в плен небольшую группу красноармейцев, которая сделала привал у хутора Берги, но их участие в этой акции было малозначительным, потому что старший группы красноармейцев попросил хозяина сообщить органам власти, что они хотят сдать в плен. Когда прибыла группа самоохранны, в плен были взяты 8—10 красноармейцев. Через два дня в Ауце прибыл немецкий офицер и приказал доставить пленных в немецкую комендатуру в Жагаре³⁴. Были арестованы также местные советские активисты и комсомольцы. Среди арестованных были также полномоченный милиции Карлис Озолс, комсомолка Лония Репе, жена доцента сельскохозяйственной академии Петериса Ризги (П. Ризга в начале войны находился в командировке в Москве) Мета Ризга, сестры Леявас, сестры Вегнере, Жанис Кронбергс, Антон Бутнарс и др. Сначала на какое-то время их заключили в Вецауцкий дворец и посылали на полевые работы³⁵, а примерно через месяц часть арестованных освободили, других же отправили в тюрьму или в имение Сиера (место заключения) в Елгаве.

3 или 4 июля в штаб самоохранны поступила информация, что в квартире еврея Э. Якобсона спрятано оружие. Ночью самоохранщики окружили дом еврея Калька, в котором жил Э. Якобсон. Когда на стук в дверь не последовало ответа, один из них выстрелил в дверь, а затем открыл ее. В квартире был проведен обыск, однако оружие не нашли. В квартире кроме трех членов семьи Якобсона

были еще около десяти евреев, приехавших из Литвы, которым Э. Цауне приказал уезжать. Об их дальнейшей судьбе ничего не известно. После пережитого во время обстрела у одной из женщин начались преждевременные роды³⁶.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что в конце июня — начале июля никаких внезапных акций, направленных против евреев, в Ауце не произошло.

Изгнание евреев из общества

В латвийской провинции уничтожение евреев началось в середине июля и продолжалось до сентября. В отличие от крупных городов — Риги, Лиепая, Даугавпилса, где убийства евреев сначала происходили с «известной избирательностью» и существовала какая-то вероятность спастись от гибели, в малых городах уничтожение евреев было тотальным.

Город Ауце за время своего существования дважды был связан с именем рода фон Медем. Если первый раз, в 1768 — 1920 гг., когда поместье Альт-Ауц (Вецауце) было собственностью этого семейства³⁷, это в целом позитивно влияло на развитие местечка Вецауце, то пребывание барона Вальтера фон Медема в должности гебитскомиссара области Митава стало для жителей Ауце бедствием.

По данным четвертой переписи населения, в 1935 г. в Ауце жили 147 евреев, т. е. 4,43 % населения Ауце³⁸.

Невозможно определить, как изменилась численность еврейского населения Ауце между последней переписью населения (1935 г.) и вступлением в Латвию немецких войск. Теоретически на это могли повлиять и миграция, и рождаемость, и депортация 14 июня 1941 г. Часть евреев в начале войны эвакуировались в советский тыл.

Депортация 14 июня 1941 г. не затронула евреев Ауце, поскольку проживавшие там евреи по своему роду деятельности не соответствовали критериям подлежащих высылке, определенным советским режимом. Евреи Ауце в основном были владельцами маленьких магазинов, лавок, мастерских, рабочими; так же как и в других местах Латвии, в Ауце были врач, зубной врач и аптекарь еврейской национальности³⁹.

Первым шагом к уничтожению евреев было их выявление и сосредоточение в одном месте. Регистрацию евреев обычно поручали местным городским или волостным органам власти, а сосредоточение — местной полиции или самоохране. Хотя регистрация происходила во всех местах проживания евреев, однако такие списки редко где сохранились⁴⁰.

В Земгале⁴¹ евреев изолировали от общества, а потом расстреляли раньше всех⁴². 4 июля 1941 г. в Добеле евреям было приказано «не позднее чем до 24.00 5 июля 1941 г. убраться из центрального района города и других населенных не жидами районов». Распоряжением предусматривалось, что при выселении каждая семья имеет право взять с собой необходимые для жизни вещи и деньги не более 1000 рублей, а также продукты не менее чем на три дня, пока не будет определена на работу. После ознакомления с содержанием приказа, от каждого требовалось подписью подтвердить, что ознакомился с ним⁴³.

4 июля вышло распоряжение о регистрации евреев Бауски⁴⁴. В Елгаве распоряжением от 3 июля определялось, в каких районах города не разрешается жить евреям⁴⁵. Подобное же распоряжение для евреев Бауски было издано 9 июля.

Распоряжение, относящееся к евреям, жившим в волостях Елгавского уезда появилось 8 июля в опубликованных в газете “*Nacionālā Zemgale*” («Национальная

Земгале») «Указаниях волостным самоуправлениям». Один из пунктов указаний гласил, что «всех жидов следует собрать и временно под охраной занять на различных общественных работах. Должны быть составлены списки собранных жидов и направлены начальнику службы безопасности в Елгаве». Можно допустить, что ответственные лица получили этот приказ до его опубликования в газете.

Об изоляции и сосредоточении евреев Ауце в одном месте точных сведений (приказов) нет, однако, обобщая доступную информацию, можно допустить, что репрессии против евреев в Ауце были начаты в то же самое время, что и в Добеле, т.е. 5—6 июля.

О первых мероприятиях в этой области имеются немногочисленные различающиеся свидетельства, потому что фактически все происходило очень быстро и последовательность происходившего свидетелям, возможно, не казалась существенной. Неясно, конфисковали ли сначала у части евреев собственность и только тогда переселили на окраину города или же это происходило одновременно. Также точно не известно, где поначалу были размещены ауцские евреи. Из свидетельства участника самоохраны Эдгара Клявиньша вытекает, что прежде всего у граждан еврейской национальности следовало отнять драгоценности и передать немцам, а вскоре после этого руководство группы самоохраны издало приказ, что всем проживающим в городе Ауце евреям надо покинуть территорию города и переселиться на городскую окраину⁴⁶. Другой участник самоохраны свидетельствовал, что сначала в квартирах евреев был произведен обыск и отняты драгоценности и деньги, а каждой семье было оставлено не более 1000 рублей⁴⁷. Денежная сумма, которую разрешалось иметь каждой семье, совпадает с допустимой суммой, указанной в добельском приказе, что свидетельствует о согласованности действий. Свидетельства, собранные Чрезвычайной комиссией о преступлениях, совершенных во время нацистской оккупации в Ауце, не вносят ясность ни в этот, ни в другие вопросы. Акт, который 30 июня 1945 г. составила Чрезвычайная комиссия Елгавского уезда, основывается на свидетельствах четырех жителей Ауце. Судя по ним, местные жители лишь что-то слышали об уничтожении евреев. Однако такое допущение нереально, потому что в таком городке, как Ауце, было невозможно скрыть преступление массового характера, а также промежуток времени между убийством евреев и сбором материалов был небольшим. В любом случае Александр Кан был самым информированным о трагедии евреев Ауце лицом, потому что его отец был евреем⁴⁸. Однако протокол его допроса 25 мая 1945 г. является наглядным примером того, насколько формально и поверхностно занималась сбором материалов Чрезвычайная комиссия. Определенно, что А. Кан рассказал следователям (свидетелей допрашивал начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД по Елгавскому уезду, капитан госбезопасности Пономарев) намного больше и точнее, чем это зафиксировано в протоколе.

В 1941 г., когда немецкие войска заняли Ауце, 10 или 11 июля они расклеили приказ, что всем евреям, проживающим в городе Ауце, не позднее чем 10 утра необходимо явиться с вещами на Виттенфорштадтскую улицу за железной дорогой (имеется в виду ул. Витинно. — *P. B.*) На сборы были даны одни сутки. Следует отметить, что еврейское население еще не успело покинуть свои квартиры, когда шуцманы начали его грабить. Забирали лучшие вещи — золотые изделия, часы, браслеты, посуду. Надо сказать, что и я как еврей по отцовской линии был арестован и отправлен на сборный пункт. Но благодаря тому, что я был знаком с капитаном Рудзургой, я был освобожден, но остальных евреев отвезли в лес Путну и расстреляли.

Сам я там не был, но моя дочь видела, так как она думала, что меня отвезли на расстрел, и поехала туда на велосипеде. Это недалеко от города, примерно около 4 км. Тогда же у моей дочери отобрали велосипед, а позднее и у меня, за то что моя дочь шпионила. На следующий день меня опять арестовали, но я не пошел в сарай, а отправился в комендатуру, где повстречал капитана Рудзуругу и опять был освобожден, но капитан Рудзуруга предупредил меня, чтобы я скрылся, пока всех евреев не расстреляют. Рудзуруга освободил меня потому, что я шесть лет таскал ему мешки на мельнице. <...>⁴⁹

Судя по протоколу допроса А. Кана, евреев выгнали из домов 10 или 11 июля, а дата их уничтожения вообще не упоминается. Немецкие войска определенно не расклеивали объявление, да и шуцманов тогда еще не было. Так же маловероятно, что дочь А. Кана могла быть на месте расстрела. Она могла добраться только до первого поста. Велосипеды отобрали не потому, что кто-то «шпионил», а потому, что было распоряжение всем сдать любое транспортное средство.

Собранные материалы подтверждают, что прежде всего было объявление о том, что евреи должны покинуть квартиры, и оно было наклеено на те дома, в которых проживали евреи, а также в заметных местах города. В объявлении указывалось, что проживающим в этом доме евреям необходимо явиться в конец ул. Витину за железной дорогой. Не обнаружено свидетельств о том, где евреев расселили после того, когда они покинули квартиры. В любом случае они не были размещены в одном месте (как добельские евреи, которым следовало переселиться в помещения старой школы). Представляется, что аущские евреи могли выбрать какое-нибудь место на окраине, несколько семей поселились в сельской местности у крестьян. Такое положение продолжалось всего пару дней. Затем из елгавского штаба самоохраны прибыли несколько немецких офицеров, однако неизвестно, кого они представляли. С немцами встретилось местное руководство — начальник службы безопасности Э. Крастс, комендант Э. Цауне, начальник отряда самоохраны Т. Рудзуруга. Разговор происходил на немецком языке. Как вспоминали самоохранщики, начальство устроило и небольшой ужин. Местное руководство получило от немцев распоряжение, что надо арестовать всех евреев, проживающих в городе Ауце и его окрестностях⁵⁰. Распоряжение было незамедлительно выполнено. Отряд самоохраны разделился на группы и на автомобиле объезжал места жительства евреев и отвозил их в сарай недалеко от имения Вецауце. В сарае находились 99 человек⁵¹. В сарае евреи спали на полу на соломе.

Возможно, что и аущские евреи не сознавали, какая судьба их ожидает, потому что арестованные Клумп и Фикс сказали знакомому самоохранщику, что теперь будет плохо, потому что их повезут в Люблин⁵². Самоохранщики также думали, что евреев отправят на работы. Возможно, что ни потенциальные жертвы, ни потенциальные убийцы еще не догадывались, что можно столь цинично обращаться с гражданским населением. Если допустить, что аущские евреи услышали бы от литовских евреев о еврейских погромах, то, как известно, человеку в критических ситуациях свойственно думать что с ним лично ничего подобного не может случиться.

О том, как долго евреи находились в сарае, точной информации нет, однако все свидетели единодушны в том, что это продолжалось каких-то пару дней.

11 июля — день убийства евреев

С утра в Ауце прибыли две автомашины с немцами — одна легковая, в которой находились офицеры, и грузовая машина с солдатами. Свидетельства о том, сколько немцев приехали и кто они были, противоречивы. Один из участников

самоохраны вспоминал, что они были в немецкой форме⁵³, другой — что это был взвод СД⁵⁴, а еще один — что немцы были очень бравурными, вооруженными pistolетами-пулеметами, на шапках у них была кокарда с черепом⁵⁵. А один свидетель считал, что немцы между собой разговаривали на баварском диалекте⁵⁶. Хотя и эти свидетельства неконкретны, однако можно допустить, что арестом и уничтожением ауцских евреев руководили представители СД. Это подтверждает и свидетельство арестованного советского активиста В. Цимерманиса⁵⁷. О. Эзерс — один из наиболее компетентных свидетелей, так как являлся начальником штаба самоохраны, а затем руководил отделом хозяйства и финансов газеты «Земгале», — свидетельствовал, что карательный отряд прибыл из Елгавы⁵⁸.

Немцы информировали руководство самоохраны о дальнейших действиях и разделили обязанности. Самоохранщикам было дано распоряжение собраться во

дворе, одного из них послали за шофером Жанисом Домбровским. Затем местное начальство вместе с немцами направилось в сарай. Перед тем как евреев убили, немцы еще и поиздевались над своими жертвами. Войдя в сарай, приказали евреям встать. Возможно, что приказание не было исполнено достаточно быстро, но наиболее вероятно — чтобы показать свою власть, несколько немцев стали избивать евреев дубинками. Схватив еврея по кличке Большой Кальк⁵⁹, потребовали, чтобы тот указал, кто из них раввин. Когда Кальк указал на учителя Кауфмана, стали избивать Кауфмана. Фукс старался защитить Кауфмана, тогда немцы ударили дубинкой и Кауфмана, и Фукса и приказали им драться друг с другом. Потом отобрали 8—10 самых сильных мужчин. Среди них были братья Кальк, Фингергут, Мушкат, Фукс,

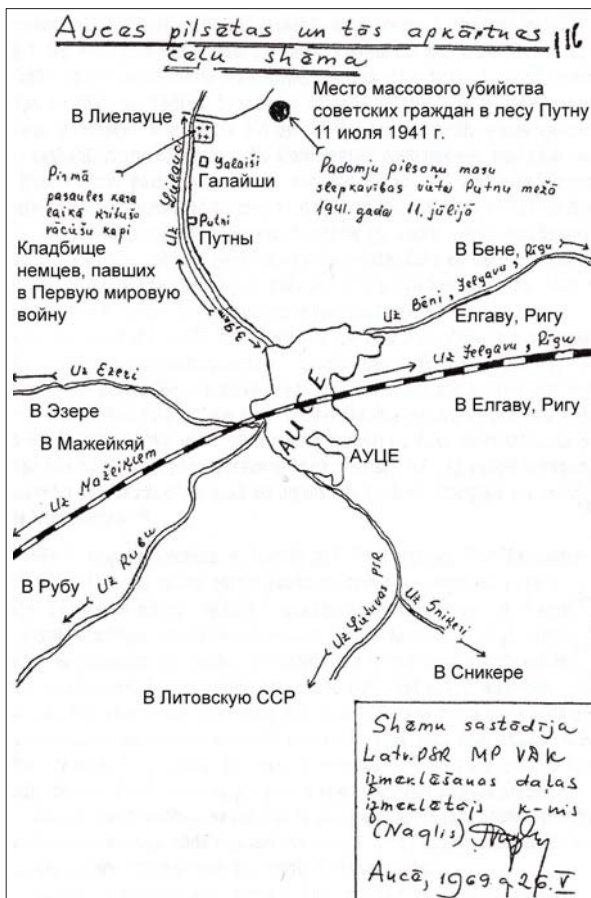

Схема дорог города Ауце и окрестностей (составил следователь следственного отдела КГБ СМ ЛатвССР капитан Наглис. Ауце, 26 мая 1969 г.) (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45187, л. 116)

Исаак Файнер, Ульман, Таубе. Евреям приказали раздеться до нижнего белья и забраться в грузовик, их отвезли в лес Путну⁶⁰, примерно в 4 км от Ауце (см. схему). Евреям приказали выкопать яму, а немцы дубинками заставляли делать это быстрее. Первыми расстреляли тех, кто копал яму. Остальных евреев, чтобы не допустить эксцессов, вывозили из сарая в лес постепенно. Для этой цели использовали два грузовика: один был местный, а второй — немецкий. Расстрел начался около полудня. Евреев расстреливали небольшими группами по 6—8 человек в каждой. Способы расстрела были такие же, как и в других местах Латвии: жертвам приказывали встать у ямы лицом к яме. На каждую жертву приходилось два стрелка⁶¹. После тех, кто копал яму, расстреляли всех мужчин, затем — женщин и детей. Перед расстрелом евреям надо было отдать ценности — кольца, деньги и пр. Для этого на землю постелили кусок ткани. У кого был лучше пиджак, его отнимали, а кому-то приказывали снять и обувь⁶². Там же в лесу Путну раздавали водку, и кто желал мог выпить, поэтому часть стрелков были сильно пьяны. Все свидетели единодушны в том, что первую группу, т.е. тех, кто копал яму, расстреляли немцы, продемонстрировав таким образом, как это следует делать. Участниками самоохранны командовал Э. Цауне, говоривший, что участие в расстреле — долг каждого участника самоохранны. Нашлись и добровольцы. А. Клуга на следствии объяснил свое участие так: «И я присоединился к группе стрелков, так как находился под их влиянием. В то время мне было примерно двадцать лет, в армии я не служил и не хотел выглядеть трусом, хотя мне и не хотелось стрелять в людей»⁶³.

Жанис Клявиньш на следствии свидетельствовал о происходившем следующее.

Как показали немецкие солдаты, обреченных на смерть мы ставили лицом к яме, а сами становились позади жертв на расстоянии примерно 8—10 м. Одновременно у ямы ставили примерно шесть жертв, а стрелков было вдвое больше, так как в одну жертву стреляли двое: один — целясь в голову обреченного на смерть, а второй — в спину. Насколько я помню, все стрелки стояли в одну шеренгу, а я находился в самом конце левого фланга. Прямо напротив меня на краю ямы стоял 7—8-летний ребенок, наверное, девочка, которую мне надо было убить, выстрелив в голову. Кому-то другому надо было стрелять этой девочке в спину, но кто был этот стрелок, — теперь уже не помню. Цауне отдал команду, и я вместе с другими выстрелил в свою жертву, целясь в голову. После выстрела девочка упала в яму. Куда именно я ей попал — не знаю, потому что, стреляя, был пьян⁶⁴. После этого у края ямы была поставлена другая группа жертв, перед расстрелом которой мне и другим стрелкам выдали еще по одной рюмке водки. И в этот раз у края ямы была поставлена группа жертв, кажется, из шести человек, и в этот раз мне пришлось стрелять в ребенка, кажется, тоже в 7—8-летнюю девочку. Так же как и в предыдущий раз, мне надо было стрелять, целясь девочке в голову, точнее — в затылок. Второго стрелка, стрелявшего в этого же ребенка я не помню. После произведенного выстрела второй ребенок тоже упал в яму⁶⁵.

Роберт Бамбалис-Бамбалас в день расстрела дежурил в штабе. После обеда, когда дежурство окончилось, он решил поехать в лес Путну посмотреть, действительно ли расстреляли людей. Вместе с ним поехали еще двое самоохранщиков — Арнольд Рамша и один студент сельскохозяйственной академии. Р. Бамбалис-Бамбалас:

«Когда мы свернули с шоссе за немецким кладбищем направо, на лесной дороге был слышен ружейный залп. Помню, что студент от страха свалился прямо в канаву, а мы с Рамшей поехали дальше. Подъехали к месту стрельбы, находящемуся примерно в двухстах метрах от шоссе, я увидел яму. Сквозь кусты увидел, как от ямы только что отошли вооруженные вин-

товками, участники группы самоохранны. Их могло быть около десяти человек или даже больше. Всех их трудно было разглядеть, потому что мешали кусты. Из этих участников группы, которые отходили от ямы прочь, я хорошо знал и помню Августа Балодиса. Он тоже был вооружен винтовкой. Когда участники группы самоохранны отошли в сторону от ямы, видел, что прибывшие, одетые в форму немецкой армии, стреляли в яму из пистолетов. Догадался, что только что произошло убийство ни в чем не повинных людей, и люди, одетые в немецкую форму, стреляли в яме тех, кто еще подавал признаки жизни. От этого мне стало нехорошо на душе, тут же на велосипеде повернул обратно, чтобы уехать прочь. Там же невдалеке за кустами стояла группа еврейских граждан — женщины и дети. Их охраняли участники группы самоохранны, не помню, кто это был. Помню, что жена еврея Таубе еще спросила у меня, не мучают ли около ямы. Я ничего не ответил и тут же поехал домой. От увиденного я был очень взволнован и больше ничего не замечал. По дороге обратно в Ауце, видел, что над городом поднимается черный столб дыма. Приехав в Ауце, увидел, что горит еврейская синагога. Вокруг нее было много людей, а также пожарные, следившие чтобы не загорелись окружающие здания»⁶⁶.

По версии А. Рамши, в тот день А. Рамша находился в трактире Рудзитиса, но когда услышал, что происходит расстрел евреев, отправился к месту расстрела, потому что хотел спасти знакомую еврейскую девушку⁶⁷. Прибыв на место расстрела, А. Рамша попросил у Э. Крастса разрешения поговорить с девушкой, но Э. Крастс его грубо оборвал, сказав, чтобы не вмешивался в чужие дела и в категоричной форме приказал встать в строй и расстреливать евреев, но когда он отказался это выполнять, то Крастс повторил приказ и немецкий офицер тоже на него накричал. Затем А. Рамша встал в строй и какой-то немец подал ему винтовку. По команде он выстрелил один раз. А. Рамша стрелял не целясь и полагает, что никого не застрелил. В того же человека стрелял какой-то немец. После выстрела ему стало плохо, и он ушел⁶⁸.

Достоверность этого свидетельства невозможно проверить, но если оно соответствует действительности, то характеризует ситуацию, в которой оказались часть участников самоохранны в Ауце, т.е. те, у кого не было желания принимать участие в казнях.

Расстрел продолжался до вечера. Затем часть самоохранщиков отправилась в штаб, где была устроена пьянка, однако несколько человек после случившегося отправились домой, так как их потрясло это безжалостное убийство людей.

Немцы сожгли синагогу в тот же день, когда были расстреляны евреи⁶⁹. Сожжение было задумано одновременно с вывозом евреев к месту расстрела, однако ее подожгли только после полудня, потому что пожарные не успели обеспечить запас воды для защиты окружающих домов.

По материалам Чрезвычайной комиссии, в лесу Путну было расстреляно 103 еврея⁷⁰ (см. приложение). Эта цифра почти совпадает с другими свидетельствами. Согласно сказанному Алмой Штамгуте, в сарае находилось 99, а Я. Яунозолсом — 96 человек⁷¹. Можно допустить, что информация А. Штамгуте более точная, потому что ей было поручено регистрировать помещенных в сарай евреев.

В литературе о Холокосте укоренилось утверждение, что в Восточной Европе еврейских женщин стали убивать только в августе, однако пример Ауце показывает, что это происходило раньше.

Скоре после расстрела евреев (около 15 июля) отряд самоохранны был ликвидирован. Обычная ликвидация городских и волостных отрядов самоохранны совпадает со временем когда евреи были расстреляны. Так, например, в Вентспилсе отряд самоохранны был ликвидирован 8 октября, т.е. когда были расстреляны все евреи.

Убийство семьи врача Салимана

Убийство семьи уважаемого в Ауце врача Михаила Салимана стало событием, вызвавшим возмущение местных жителей. М. Салиман еще с 1927 г. был врачом в Ауце.

Когда в Ауце начались первые антиеврейские акции, врач Адольф Зиемелис посоветовал М. Салиману уехать из города. Вначале М. Салиман хотел податься в Укрскую волость, однако по каким-то причинам решил ехать в Сникерскую волость, где на хуторе Киртуми жила его знакомая крестьянка Эмилия Страутманис, с которой Салиманы договорились о проживании. В то время М. Салиман еще надеялся, что сможет устроиться в волости врачом, потому что должности врача и аптекаря (если не было других врачей и аптекарей) евреям разрешалось занимать дольше, чем остальным. Когда семья приехала на хутор Киртуми, то ауцские евреи еще не были арестованы, поэтому не надо было прятаться. Но поскольку все жители должны были зарегистрироваться, то М. Салиман через пару дней попросил, чтобы хозяйка хутора съездила к волостному старосте и прописала их в своем доме. Однако волостной староста отказал. Не зная, как действовать дальше, М. Салиман попросил хозяйку съездить в Ауце к Т. Рудзуроге и врачу А. Зиемелису и спросить совета, потому что это были те, кто посоветовал ему уехать из Ауце. Т. Рудзурога сказал хозяйке, что евреи уже расстреляны и, если М. Салиман хочет спасти свою жизнь, пускай побыстрее уезжает. Салиманы решили сделать это на следующий день, но не успели — утром на хутор Киртуми на мотоциклах приехали трое вооруженных людей — Петерис Меденс, Эдгар Берзиньш и Отто Хихаловский⁷².

Невозможно выяснить, кто именно послал этих троих охотиться на людей, судя по опосредованным свидетельствам, это не был начальник отряда самообороны Т. Рудзурога. Скорее всего, это была инициатива Э. Крастса или начальника боевой группы П. Меденса. Еще днем ранее П. Меденс с двумя участниками самообороны безрезультатно объезжали многие места в поисках семьи врача. Но, поскольку Салиманы и не прятались, то найти их было лишь делом времени. После того как семья Салиманов была вывезена с хутора Киртуми, П. Меденс поехал в расположенный недалеко дом лесника за лопатами, а О. Хихаловский и Э. Берзиньш приказали семье идти в направлении леса и расстреляли их в лесу Мазену. Перед расстрелом у М. Салимана отняли примерно 1500 рублей, 10—15 золотых зубных коронок, заставили снять костюм, у жены отобрали золотое кольцо, а у 14-летней дочери Лизы — золотые часы. Эти вещи позднее П. Меденс разделил между расстрельщиками⁷³.

Те, кто расстреливал евреев

Свидетельства о том, кто именно из местных жителей участвовал в расстреле, различаются. Тому могут быть разные причины, например расследование 1945—1951 гг., судя по рассмотренным в статье вопросам, проводилось поверхностно и тенденциозно, не были выяснены все обстоятельства совершения преступления, а в делах, расследованных в 1969 г., и подсудимые, и свидетели могли точно не помнить события тех лет и по личным мотивам могли назвать или не называть то или иное лицо. Однако на отдельных участников расстрела имеются единодушные характеристики. Так, например, все свидетели считают, что Август Балодис выделялся особой жестокостью. Когда евреи еще находись в сарае и Фукс захотел передать записку проезжавшему мимо лесничему А. Зандовскому, А. Балодис заметил это и прогнал Фукса⁷⁴. А когда А. Балодис узнал, что надо будет расстреливать евреев,

он бравурно заявил, что можно будет опробовать руку, и позднее хвастался, что он расстреливал евреев и что не у каждого хватило духу делать это. А. Балодис одним из первых записался в полицейский батальон⁷⁵. Людвиг Игне, который был соседом А. Балодиса, рассказывал, что А. Балодис часто спорил с женой, которая часто упрекала его в том, что он участвовал в расстреле евреев⁷⁶.

Исследуя события, связанные с Холокостом, важно выяснить, можно ли было избежать участия в убийстве евреев. Теперь трудно об этом судить, потому что прямых свидетельств нет. Однако, судя по опосредованным свидетельствам, можно высказать предварительные выводы.

Руководство отряда самообороны могло не знать, когда именно произойдет расстрел евреев, так как в противном случае всем самоохранщикам в день расстрела нужно было бы находиться в штабе и не нужно было бы посылать за шофером.

В расстреле евреев приняли участие 10—12 местных самоохранщиков, остальные участвовали в охране и конвоировании. Отдельные лица имели возможность уклониться. Об этом свидетельствуют показания многих участников самообороны. Так, например, Л. Игне и Бруно Букшс, узнав, что предстоит расстрел евреев, удрали из штаба самообороны и возвратились только вечером⁷⁷.

Расстрельщики могли вызваться добровольно, хотя были случаи, когда расстреливать приказывали. Так, например, Ж. Клявиньшу Э. Цауне пригрозил, что если тот не станет участвовать в расстреле, то ему будет плохо, и назвал его маленьким сыном⁷⁸. На следствии Ж. Клявиньш сказал, что он не испытывал ненависти к евреям, но боялся, что с ним могут расправиться, если он откажется⁷⁹. Расстрелянный ребенок якобы все эти годы стоял у него перед глазами, и он не может себе простить, что был столь бесхарактерным⁸⁰.

Как было сказано в начале статьи, состав самообороны по роду занятий был очень разным. Одна часть в 1940—1941 гг. успела поучаствовать в структурах, созданных советским режимом, например К. Вейгнерс в 1941 г. был уполномоченным милиции, П. Меденс, будучи шофером молокозавода, в 1941 г. являлся председателем рабочего комитета, О. Эзерс в советское время работал в газете «Коммунист Земгале». Э. Берзиньш, рабочий скотобойни, в 1940 г. был избран председателем профсоюза рабочих. Также и после войны, в 1946—1947 гг. Э. Берзиньш постарался стать председателем Маткульского волостного исполкома Тукумского уезда⁸¹ и как боец истребительного батальона принимал участие в очистке лесов от антисоветских партизан⁸². Это показывает, что названные люди, с одной стороны были активными по своему характеру, а с другой — одним не хватило гражданского сознания и они не привыкли ни принимать решения сами, ни отвечать за свои действия. Их можно было бы назвать «законопослушными». Другие же самоохранщики были теми, чьи семьи пострадали при советской власти (семья сослана, собственность конфискована), либо сами были сняты с должности (бывшие полицейские, офицеры латвийской армии и др.).

Бесспорно, в Латвии, в том числе и в Ауце, перед войной существовал известный антисемитизм, однако он не выражался в насильственных акциях или в призывах к ним. Систематическое перенасыщение газет грубыми антисемитскими статьями, сожжение синагог, убийство евреев было возможно только во время нацистской оккупации⁸³. Не был популярен в Ауце и стереотип «жид-коммунист»⁸⁴, хотя газета «Земгале» с первого дня ее выхода (30 июня 1941 г.) начала направленную против евреев пропагандистскую кампанию. Довоенный антисемитизм в Ауце мог иметь экономический характер, потому что большая часть предприятий

торговли принадлежала евреям. Хотя евреи в Латвии жили уже не одно столетие, латыши, однако, чаще всего считали их чужаками. Особенно это проявлялось на селе, что в большой мере определяли различия в социальном статусе и роде занятий, ибо в сельской местности евреи чаще всего были торговцами, ремесленниками, представителями свободных профессий. То, что евреев не воспринимали как своих, в данном случае подтверждает и то, что местное руководство спасло советских активистов, когда немцы высказали готовность расстрелять и их.

То, что большая часть участвовавших в расстреле не были «рьяными расстрельщиками», свидетельствуют уже упомянутые в статье факты, что ряд участников самоохранны избежали участия в расстреле, а другие, когда попытались это сделать, не смогли продолжать. В семье А. Балодиса происходили конфликты, потому для жены было неприемлемо участие мужа в расстреле. Начальник отряда самоохранны Т. Рудзурога спас от расстрела А. Кана и посоветовал бежать М. Салиману.

Что стало с еврейским имуществом?

Еще до ареста евреев была проведена регистрация еврейской собственности. Как свидетельствовал Э. Берзиньш, тогда, 5—6 июля 1941 г., по распоряжению коменданта Ауце Э. Цауне, самоохранщики были разделены на группы по 5—6 человек. Каждой группе самоохранщиков вручили несколько адресов, и они должны были сделать описание собственности евреев. Группа Э. Берзиньша описывала собственность Фукса, Калька и Таубе⁸⁵. Когда евреи должны были покинуть свои квартиры, они могли взять с собой только самые необходимые вещи, старший группы запечатывал квартиру и ключи забирал с собой.

На следующий день после расстрела евреев оставшиеся вещи были собраны и свезены в какой-то подвал. По другим свидетельствам вещи отвезли в помещение кинотеатра. Их сортировку поручили арестованным советским активистам⁸⁶. Примерно через неделю вещи евреев были рассортированы. Невозможно определить, какая часть имущества ауцских евреев была сдана немецким учреждениям. По свидетельству старосты города Ауце Я. Яунозолса, часть увез референт гебитс-комиссара Митавы⁸⁷. Думается, что местные могли претендовать только на предметы быта, а драгоценности и деньги нужно было сдать немцам. Часть вещей передали на лотерею, и те, кто был в списках, могли принять в ней участие. В других городах часть вещей была продана с аукциона. Обычно вещи евреев могли приобрести те, кто в какой-то мере принимал участие в уничтожении евреев или занимал какую-нибудь должность в руководстве города. Так, например, участник самоохранны Фрицис Мадревицс выиграл в лотерею буфет, четыре простыни, три наволочки и дамскую сумочку⁸⁸. Арнольд Рамша в августе 1941 г., когда начал работать в полиции, получил квартиру в доме одной расстрелянной еврейской семьи со всей необходимой обстановкой — кроватью, столом, стульями, шкафом⁸⁹.

В связи с дележом еврейского имущества в Ауце произошел нетипичный случай. Присвоение и воровство вещей евреев было довольно широко распространенным явлением, за что многие были приговорены судом к тюремному заключению или были сняты с должности, включая и весьма влиятельных лиц, однако то, что одна группа самоохранны арестовала другую или, точнее, ее руководство, — это мог быть единственный такого рода случай в Латвии.

В е р с и я К. В е й г н е р с а. После расстрела евреев, наиболее ценные вещи следовало сдать немцам, но руководители группы самоохранны часть их уже

присвоили. Однажды вечером П. Меденс собрал группу боевиков и приказал арестовать все руководство. Арестовали Т. Рудзурогу, Я. Туркса, Э. Крастса, П. Бертаитиса, О. Эзерса и др. и сутки продержали в арестантской, но после переговоров с начальством в Елгаве их освободили. Через несколько дней из Елгавы прибыли четыре работника полиции и допросили тех, кто участвовал в аресте руководства, а затем сообщили, что арест был незаконным⁹⁰.

Поскольку информацию об этом событии можно найти только в уголовных делах осужденных самоохранщиков, то остается много невыясненных вопросов⁹¹, например действительно ли самоохранщики арестовали руководство за то, что оно присвоило вещи, которые следовало сдать немецким учреждениям. Может быть, эта группа была недовольна распределением этих вещей? Может быть, П. Меденс, который, вероятно, был достаточно амбициозным, сам таким образом хотел «выслужиться» в глазах немцев, рассчитывая на какую-нибудь должность. Также невозможно выяснить, что стало с вещами. Пришлось ли их отдать? Так как арестованных освободили, то можно предположить, что это дело расследовали люди М. Вагуланса, потому что немцы вряд ли действовали бы так. Представляется, что это событие не повлияло на карьеру самоохранщиков. Достоверные сведения имеются об Э. Крастсе: он продолжал исполнять обязанности начальника отдела службы безопасности Ауце. О. Эзерс после ликвидации самоохранный работал в редакции газеты «Земгале». Возможно, что «неудобства» морального характера испытывал священник Я. Туркс.

Фактически только в начале оккупации местные власти могли сравнительно свободно распоряжаться собственностью евреев. Изданные позднее законы, имевшие обратную силу, предусматривали, что еврейское имущество принадлежит Германскому государству⁹². Так, основываясь на распоряжении рейхскомиссара от 13 октября 1941 г., жителям, которые после 22 июня 1941 г. купили или приобрели путем дарения или каким-либо иным образом вещи, принадлежавшие евреям, должны были заявить об этом в городскую управу. За невыполнение распоряжения предусматривалось наказание (тюремное заключение, денежный штраф, а также смертная казнь). Например, в декабре 1941 г. начальник Бауского уезда Дзенинис издал распоряжение, что на все «дамские и мужские шубы, пальто на меху — выходные или рабочие, которые приобретены у жидов непосредственно, через комиссии по распродажам или иным путем, настоящим по распоряжению высшего полицейского руководства накладывается арест и они незамедлительно должны быть сданы мне под расписку через ближайшего полицейского, но не позднее 8 января 1942 г. За невыполнение этого распоряжения виновные будут переданы немецким судебным учреждениям»⁹³.

В ы ы ы

Вовлечение местного населения в убийство евреев в первую очередь было обусловлено системой немецкой оккупации и ее направленной против евреев идеологией, внедрявшейся в Латвии с первых дней оккупации. Создание отрядов самоохранный во всех административных единицах Латвии при сохранении в тайне действительных целей их образования, было одним из первых шагов по достижению того, чтобы местное население участвовало бы в убийстве евреев. Вовлекая какую-то часть местных жителей в отряды самоохранный, с одной стороны, было возможно лучше управлять и контролировать ситуацию, с другой — создать впечатление, что все происходит по инициативе местных властей.

Опубликованные и проанализированные в статье материалы полностью исключают возможность того, что в Ауце произошли спонтанные акции местных жителей против евреев. Наоборот, все свидетельствует, что уничтожение евреев происходило по инициативе и под руководством немцев⁹⁴. Возможно, дискуссионным является вопрос о том, какую организацию — СД или вермахт представляли немцы, организовавшие расстрел евреев в Ауце. Однако документы, использованные в статье, больше указывают на руководство группы СД.

Основными причинами вовлечения самоохранщиков в убийство евреев были: ситуация, в которой они оказались, преступная мотивация, контроль немцев, отсутствие гражданского сознания, бесхарактерность и малодушие. При советском режиме с его жестокостью часть жителей утратило моральные чувства. Возможно, что для кого-то это была возможность освободиться от экономического конкурента.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список евреев, расстрелянных в Ауце в июле 1941 г.

Фамилия семьи	Численность	Фамилия семьи	Численность
Кан	3	Нисберг	7
Спунгин	4	Вульфсон	4
Фингер	3	Ель	2
Ульман	6	Мушкат	2
Фукс	2	Писецкий	4
Армерман	5	Салиман	4
Зелбович	6	Якобсон	5
Файнер	4	Гутман	3
Спунгин	3	Два брата Кальк	5
Мушкат	4	Айзекович	4
Пралгавер	8	Клумпус	4

Список составлен по показаниям свидетеля А. Кана, данных им в 1945 г. Республиканской Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников... (ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 98, д. 2410, л. 274).

Этот список неточен, однако более полная информация пока отсутствует. Не удалось проверить, точно ли число членов конкретных семей. В список не включены фамилии всех расстрелянных евреев. Возможно, что А. Канн не был знаком со всеми евреями города Ауце. Участники самоохраны упоминали несколько фамилий, которых нет в списке, например [Шлома] Разумный и женщина по имени Сарра, которой принадлежал магазин. Речь могла быть о Сарре Струниньш, так как ей принадлежал магазин на улице Райниса, 14. Еще упоминался лавочник Таубе, который мог быть Самуилом Таубе, ибо ему на площади Тиргус, 3, принадлежал мануфактурный магазин. По сведениям Геральда Кагана, в Ауце были уничтожены его родственники — Лейба Михалович, которому принадлежал аптекарский магазин на площади Тиргус, 3, его жена Лея Ротермунд и брат Лии — Берел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ауце — город в Елгавском уезде Латвии, ныне в Добельском районе.

² См. прим. 1 на с. 200.

³ Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 1986, оп. 1, д. 45187.

⁴ Видземе — историко-культурная область в северной и центральной части Латвии, в составе Российской империи — южная часть Лифляндской губернии. — *Ред.*

- ⁵ См. прим. 11 на с. 326.
- ⁶ Там же, т. 1, л. 18.—19; д. 38784, т. 1, л. 15.
- ⁷ Согласно показаниям К. Вейгнера во время следствия, он хотел эвакуироваться в советский тыл, но, поехав домой за одеждой и продуктами, был задержан вооруженными людьми, которые угрожали ему: либо он перейдет на сторону партизан (антисоветских. — *Peđ.*), либо будет расстрелян. Более вероятно, что эту версию К. Вейгнер выдумал, чтобы оправдать перед следователями свои действия, ибо вряд ли партизаны предложили бы ему присоединиться к ним, если не считали К. Вейгнера достойным доверия. Роберт Нейманис также показал, что К. Вейгнер в свою бытность уполномоченным милиции информировал о грозившей высылке.
- ⁸ П. Меденс был шофером молокозавода. В сентябре 1940 г. его избрали председателем рабочего комитета (*Zemgale*. 1941. 17. sept.).
- ⁹ Не удалось также найти подтверждение того, что в Ауце активно действовал вооруженный отряд партийно-советского актива, как это указывается в издании «Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны» (*Latviešu tautas cīņa Lielajā Tēvijas karā*. R., 1966. 61. lpp.).
- ¹⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 27922, 28—35. О действиях кримунских партизан писала также „*Nacionālā Zemgale*” (1941. 4. jūl.).
- ¹¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. 10298, л. 10.
- ¹² Эта цифра, возможно, преувеличена, так как обычно в волостях группы партизан были небольшими, самое большее — 20 человек. Большими группы были в Видземе.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. Р-7021, оп. 93, д. 2406, л. 50.
- ¹⁴ *Zemgale*, 1941, 30. jūn.
- ¹⁵ *Ezergailis A.* Holokausta vācu okupētājā Latvijā: 1941.—1944. R., 1999. 184. lpp.
- ¹⁶ *Nacionālā Zemgale*. 1941. 8. jūl.
- ¹⁷ В уголовном деле Я. Яунзолса есть документ, подписанный 10 сентября 1941 г. Э. Крастсом как начальником службы безопасности города Ауце (ЛГИА, ф. 1986, оп. 1, д. 16903, л. 50).
- ¹⁸ Ж. Пилицкому часто приходилось возить местное начальство по делам в Елгаву.
- ¹⁹ Имеются в виду «силы самообраны» (*pašaizsardzības spēki*) — добровольные отряды, в которые объединились образовавшиеся на территории Латвии в самом начале войны, еще до прихода гитлеровцев, вооруженные группы местных коллаборационистов. Формально были запрещены германскими оккупационными властями 8 июля 1941 г. как самочинные, однако в дальнейшем наряду с другими пронацистскими формированиями послужили основой для созданных гитлеровцами полицейских структур, которым они доверяли «черную работу», в том числе и за пределами Латвии. — *Peđ.*
- ²⁰ *Ezergailis A.* Pašaizsardzību komandatūru loma holokaustā // *Latv. Vēst. Inst. žurn.* 1999. Nr. 3. 108. lpp.
- ²¹ Бывший староста города Ауце в советское время был переведен в Зебренскую волость.
- ²² ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45187, т. 2, л. 102. О том, что бывшие айзсарги и работники полиции не спешили записываться, свидетельствует то, что М. Вагулансу пришлось повторно поместить обращение в „*Nacionālā Zemgale*”. В первый раз (30 июня) было написано, что «бывшие айзсарги и полицейские приглашаются записаться», а во второй (1 июля) — что круг лиц расширен солдатами-сверхсрочниками и тюремными надзирателями, которым «обязательно» надлежит зарегистрироваться в штабе службы безопасности.
- ²³ Обнаружить сведения о дальнейшем пути Э. Цауне пока не удалось. Известно только, что в августе 1941 г. он покинул Ауце.
- ²⁴ Т. Рудзурга в 1944 г. покинул Латвию. Согласно заметкам краеведа О. Венцкуса, Т. Рудзурга умер в Калифорнии 4 июня 1978 г.
- ²⁵ Я. Туркс в 1944 г. покинул Латвию.
- ²⁶ К. Вейгнер в 1946 г. был осужден по ст. 58, 16 УК РСФСР и с санкции 2-й части Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. к 20 годам каторжных работ, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества. По амнистии 15 мая 1956 г. наказание было уменьшено до 10 лет, и он был освобожден из заключения. Решением Президиума Верховного суда Латвийской ССР 16 июня 1969 г. этот приговор военного трибунала 1946 г., а также решение военного трибунала 1956 года были отменены. В 1969 г. Верховный суд Латвийской ССР приговорил К. Вейгнера к 15 годам лагерей строгого режима.

- ²⁷ В 1952 г. военный трибунал Прибалтийского военного округа приговорил О. Эзерса к 25 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества.
- ²⁸ Я. Нарпс умер в 1944 г.
- ²⁹ Существует также версия, что часть оружия была получена от бывшего уполномоченного милиции К. Вейгнера (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. л. 625823 об).
- ³⁰ Там же, д. 45187, т. 4, л. 120—130.
- ³¹ *Kangeris K. Padomju okupācija un 14. jūnija deportācija nākamās okupācijas varas — nacionālsociālistiskās Vācijas propagandā Latvijā (1941.—1942. gads) // 1941. gada 14. jūnija deportācija — noziegums pret cilvēci: Starptaut. konf. materiāli. Rīga, 2001. g. 12.—13. jūn. R., 2002. 158.—159. lpp. (Latv. Vēst. komisijas r. 6. sēj.).*
- ³² *Ibid.* 160. lpp.
- ³³ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 42187, л. 192; д. 45187, т. 3, л. 93.
- ³⁴ Там же, д. 45187, т. 6, л. 492—493.
- ³⁵ Когда немцы прибыли на расстрел евреев в Ауце, они поинтересовались, не арестованы ли также и коммунисты. Э. Крастс, начальник службы безопасности, ответил, что таковых нет, и приказал увести всех арестованных на полевые работы (там же, т. 4, л. 247; т. 3, л. 94). Аналогичная информация (местные участники самоохраны сказали немцам, что арестованные перевоспитуемы) имеется также в заметках ауцкого краеведа Оскара Венцкуса, которые он записал со слов арестованного советского активиста А. Бутнарса.
- ³⁶ Там же, д. 29637, т. 1, л. 85; д. 38784, т. 2, л. 55.
- ³⁷ *Zemgale.* 1999. 17. jūl.
- ³⁸ В Елгаве жили 2039 евреев, или 5,98 % общей численности населения, в Добеле — 72, или 2,91 %. В волостях елгавского уезда численность еврейского населения была невелика.
- ³⁹ В 20-х гг. крупнейшим предпринимателем в Ауце был Янкель Клейн, которому принадлежали паровая мельница, шерсточесалка, известьобжигательная печь и пр. В 30-е гг. все это принадлежало его наследникам.
- ⁴⁰ Пока удалось отыскать только список евреев, проживавших в Апе. 23 июля 1943 г. староста города Апе издал распоряжение, что всем евреям города надлежит зарегистрироваться в трехдневный срок (Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 1696, оп. 1, д. 72, л. 165—166).
- ⁴¹ Земгале (Земгалия) — историческая область на юге Латвии, по левому берегу Даугавы (Зап. Двины). — *Ред.*
- ⁴² В других местах в латвийской провинции евреи также были арестованы уже в начале июля и даже в конце июня. Так, например, если верить документам Чрезвычайной комиссии, в Вишках евреев в первый раз арестовали 30 июня 1941 г., и после того, как немцы отняли у них деньги и драгоценности, они были освобождены, а 10 июля арестованы вторично (ЛГИА, ф. Р-132, оп. 26, д. 11, л. 256). В Виесите 1 июля 1941 г. майор из штаба немецкой дивизии отдал приказ вывезти из города всех евреев (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 1912, т. 4, л. 220 об. — 222).
- ⁴³ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 93, д. 2410, л. 295. В Добеле такое распоряжение подписали представители 18 семей, а Хаим Сандерович, проживавший по ул. Узварас, 4, отказался его подписать.
- ⁴⁴ *Bauskas Vēstn.* 1941. 8. jūl.
- ⁴⁵ *Nacionālā Zemgale.* 1941. 4. jūl.
- ⁴⁶ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45187, т. 2, л. 11.
- ⁴⁷ Там же, л. 113.
- ⁴⁸ В этих показаниях сказано, что еврей — отец А. Канна, а в других — что отчим.
- ⁴⁹ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 93, д. 2410, л. 273—273 об.
- ⁵⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45187, т. 4, л. 165.
- ⁵¹ Алме Штамгуте было поручено регистрировать всех евреев, находившихся в сарае (там же, д. 29637, л. 155—156).
- ⁵² Там же, д. 4518, т. 2, л. 105. Вентспилские евреи также думали, что их везут в Люблин.
- ⁵³ Там же, т. 4, л. 168.
- ⁵⁴ Там же, д. 6258, л. 37, 55.
- ⁵⁵ Там же, д. 45187, т. 3, л. 94.
- ⁵⁶ Там же, т. 2, л. 12. К сожалению, следователя не интересовало, почему свидетель так думает.
- ⁵⁷ Там же, д. 4453, л. 88.

- ⁵⁸ Там же, д. 45817, т. 2, л. 23.
- ⁵⁹ В Ауце жили два брата Кальк. Залкинду принадлежала бакалейная и хлебная лавка на ул. Рйниса, 45, а Замуэлю — лавка колониальных и разных других товаров на ул. Райниса, 5.
- ⁶⁰ ЛГА, ф. 1986, д. 45187, т. 2, л. 13; т. 3, л. 94.
- ⁶¹ Существует версия, что один стрелял стоя, а другой — с колена.
- ⁶² ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 38784, т. 1, л. 26.
- ⁶³ Там же, д. 45817, т. 4, л. 46.
- ⁶⁴ Другие участники самоохрны характеризовали Ж. Клявиныша как горького пьяницу.
- ⁶⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45817, т. 4, л. 238—239. К. Вейгнер показал, что Ж. Клявинышу после расстрела было плохо и он присел у куста, его рвало (там же, т. 6, л. 496).
- ⁶⁶ Там же, д. 45187, т. 3, л. 13.
- ⁶⁷ Фамилия девочки был Ульман (там же, д. 38784, т. 1, л. 22).
- ⁶⁸ Там же, л. 21; т. 2, 346—347. А. Рамша был приговорен к смертной казни.
- ⁶⁹ В 1969 г. начальнику добельского районного отдела КГБ майору Лаксису было поручено расследовать, кто сжег синагогу в Ауце. В ответе КГБ Латвийской ССР было сказано, что синагогу поджег какой-то немец, поблизости находились местные пожарные для защиты соседних домов (там же, л. 85).
- ⁷⁰ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 93, д. 2410, л. 270.
- ⁷¹ Янис Озол в 1941 г. был старостой города Ауце (ЛГИА, ф. 1986, оп. 1, д. 16093, л. 160б).
- ⁷² Э. Берзиньш и О. Хихаловский были приговорены к высшей мере наказания. П. Меденс после войны жил на нелегальном положении и в 1947 году был застрелен в столкновении с войсковой частью МВД Латвийской ССР (там же, д. 29637, т. 1, л. 259—264; д. 38784, т. 2, л. 69).
- ⁷³ Там же, д. 29637, т. 1, л. 80.
- ⁷⁴ Там же, д. 45187, т. 3, л. 23.
- ⁷⁵ А. Балодис в 1944 г. погиб на фронте.
- ⁷⁶ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45187, т. 2, л. 114—115.
- ⁷⁷ Там же, л. 114.
- ⁷⁸ Там же, т. 6, л. 506.
- ⁷⁹ Там же, т. 4, л. 237.
- ⁸⁰ Там же, т. 6, л. 506—506 об.
- ⁸¹ Выдвижению Э. Берзиньша на эту должность определенно способствовало то, что он возвратился из концлагеря Штуттоф. Разумеется, ему надо было скрывать, что в лагерь он был отправлен из полицейского батальона за пьянство.
- ⁸² ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 29637, т. 2, л. 49.
- ⁸³ Об антисемитизме в Латвии см.: *Dribins L. Antisemītisms un tā izpausmes Latvijā: Vēst. atsk. R., 2001.*
- ⁸⁴ В елгавской уездной организации компартии на январь 1941 г. не было ни одного члена или кандидата в члены партии еврейской национальности (ЛГА, ф. 101, оп. 2, д. 524, л. 58).
- ⁸⁵ Там же, ф. 1986, оп. 1, д. 29637, т. 1, л. 86.
- ⁸⁶ Там же, д. 13570, л. 75. Свидетель Вилис Анте. Ему как проводившему арест надлежало отсортировать еврейские вещи, находившиеся в клубе «Гайсма».
- ⁸⁷ Там же, д. 16903, л. 16 об.
- ⁸⁸ Там же, д. 34897, л. 41 об.
- ⁸⁹ Там же, д. 38784, т. 1, л. 51.
- ⁹⁰ Там же, д. 45187, т. 4, л. 175—176; т. 1, л. 23.
- ⁹¹ По факту ареста местного руководства имеются и другие свидетельства (там же, д. 38784, т. 1, л. 58).
- ⁹² Sk.: *Dīns M. K. Atsavināšana, uzskaitē, noma un pārdošana: vācu administrācijas veiktās ebreju kustamā īpašuma pārvaldes savādais gadījums (1941.—1944.) // Latvija Otrajā pasaules karā: Starptaut. konf. materiāli, 1999. gada 14.—15. jūn., Rīga (Latv. Vēst. komisijas r. 1. sēj.). R., 2000. 372.—381. lpp.*
- ⁹³ Bauskas Vēstn. 1941. 31. dec.
- ⁹⁴ 29 августа 1941 г., когда генеральный комиссар Латвии О. Дрекслер прибыл в Елгаву, гебитско-миссар области Митава фон Медем от имени всех жителей области выразил ему благодарность за «окончательное решение еврейского вопроса» (Bauskas Vēstn. 1941. 5. sept.).